

Ворохобов Александр Владимирович,
доктор философских наук, профессор кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Приволжского филиала Российского государственного
университета правосудия

Магистральные тенденции современной философии права

Последние десятилетия прошлого века являются периодом значительных изменений, происходящих в области философии и теории права¹. В XX веке философия и теория права переживали свой наивысший расцвет. Такое положение вещей продолжалось как минимум до семидесятых годов прошлого века. Презумпции современной философии права формировались в резкой оппозиции к моделям XIX века. Критике подверглись в основном все направления, действовавшие в то время, прежде всего: историческая и аналитическая юриспруденция в варианте, предложенном Дж. Остином, континентальный юридический позитивизм и, наконец, нео-схоластические концепции естественного права. Критический анализ проводился авторами проекта «Современная философия права» прежде всего с рационалистических позиций. Рационалистический или рационалистически-аналитический характер будут иметь современные представления о естественном праве, критический позитивизм, практиковавшийся Г. Кельзеном и Х. Л. А. Хартом, а также так называемая аналитическая школа, представленная в теории права, в частности, А. Россом, А. Аарнио, Г. фон Райтом, О. Вайнбергером. С другой стороны, эмпирические обоснования использовали представители школы «Движения за свободные права», американского и скандинавского правового реализма, социологической юриспруденции. В результате возникло несколько конкурирующих парадигм.

Основная дискуссия сводилась главным образом к трем вопросам: онтологическому, относящемуся к спору о понятии права, гносеологическому, касающемуся возможности построения общезначимого и приемлемого юридического метода, и, наконец, пожалуй, наиболее разделяющих авторов отдельных аксиологических проектов. С самого начала не могло быть и речи о компромиссе, о построении единого философско-правового проекта. Причем «конкуренция» существовала не только «вовне» — между основными парадигмами: естественно-правовой, позитивистско-аналитической, реалистической, но и между отдельными взглядами, сформулированными «внутри» этих парадигм. Эта растущая внутренняя дифференциация должна была привести к разрушению всего проекта еще до того, как были предприняты попытки его реализации.

Правовая и естественная направленность, хотя и рациональная, и критическая, так и не достигла минимального уровня внутренней согласованности в XX веке. С одной стороны, мы имеем дело с рецепцией традиционных — классических — формул естественного права. Примеры этой тенденции включают взгляды Дж. Холла. С другой стороны, существует бесчисленное множество вариантов естественно-правовой направленности, сформулированных уже на основе неокантианства. Речь, к примеру, идет о подходах Р. Штаммлера, в какой-то мере и раннего Г. Радбруха — или концепциях, имеющих отношение к историко-философским, психологическим и социологическим обоснованиям, сформулированным прежде всего представителями американской юриспруденции.

То же самое было в какой-то степени и со школой критической позитивности. Несмотря на схожие рационально-аналитические основы, взгляды Кельзена и Харта существенно различаются. Оба автора по-разному определяют право, по-разному понимают правовую норму (правило) и, наконец, правовую систему и основную норму.

Парадигма аналитической философии права казалась более последовательной. И здесь, однако, тоже есть отличия. Таким образом, мы имели дело как с анализом подковы, так и с анализом мягкой обуви. Сторонниками использования «жестких» — логико-математических методов в науке о праве были, среди прочих: Фон Райт, Аарнио, Вайнбергер, Росс, Харт и представители аналитического направления в американской юриспруденции, которая не имела почти ничего общего с подлинной традицией аналитической философии.

¹ Новичкова Ю. Г., Ананьин П. А., Грунина В. А. Общая характеристика философии (философии права) и философских проблем // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 44—47.

Реализм — последний из великих проектов современной философии права. Его однородность и непротиворечивость должны были стать результатом принятия методологической программы, разработанной философским позитивизмом. Однако со временем этот проект также распадается на множество факультетов и школ, которые начинают разделять все меньше и меньше общих предположений. Достаточно сравнить взгляды представителей разных реалистических направлений, чтобы подтвердить этот тезис. Американский юридический реализм О. У. Холмса, Дж. Ч. Грея, Дж. Франка или, наконец, К. Н. Левеллина, был существенно модифицирован основоположником социологической юриспруденции Р. Паундом. Еще одним направлением была школа скандинавского реализма в редакции А. Хагерстрема, В. Лундштета, К. Оливекрона и Росса, которая, хотя и прямо ссылалась на положения неопозитивистской философии, все же не смогла выработать целостной методологической программы.

Внутренняя неоднородность и внешнее напряжение должны были привести к регрессу, а затем и к краху проекта реформирования юриспруденции. Был ли проект современной философии права материализован не только из-за противоречий и напряженности, существующих между наиболее важными парадигмами? Вероятно, здесь были решающими функциональные соображения. Сформулированные концепции не имели практического смысла, лишь за некоторыми исключениями. Голос философов-правоведов исчез из публичных дебатов по фундаментальным правовым и нравственным проблемам современного мира. Философско-правовые концепции не играли существенной роли в правовой догматике и юриспруденции. Это, конечно, должно было привести к своего рода отчуждению философии права.

В конце 70-х годов мы наблюдаем процессы, аналогичные таковым в философии права, и в других науках, таких как общая философия (эстетика), социология и антропология культуры, литературоведение. В связи с этим все больше говорят о постмодернистском прорыве. Говорить о постмодернистской философии права проблематично¹, во-первых, из-за значительного разнообразия и неоднозначности взглядов ведущих представителей «новой философии», в том числе: Ж. Ф. Лиотара, Ж. Дерриды, Р. Рорти, Г. Ваттимо, Ф. Р. Анкерсмита, Ф. Джеймсона, З. Баумана, В. Уэлша. Во-вторых, потому, что философия права всегда была достаточно специфической областью знания, находящейся где-то на границе между юриспруденцией и общей философией. Так что ее история не может быть легко вписана в историю гуманитарных наук XX—XXI веков. Поэтому, не вдаваясь в споры о постмодернизме, можно сказать, что начиная с 1970-х годов произошло много существенных изменений, которые касаются и философии права. Отправной точкой постмодернистской философии права является критика более ранних — модернистских — проектов. Вспомним, что современная философия права также была критична по отношению к своей предшественнице XIX века.

Таким образом, мы имеем дело со случаем критики по допущению критической современной философии права. Логично ли мы таким образом возвращаемся к исходной точке? В случае с философией права, это не так. Все это имеет иное качество и форму, так что ни о каком неоклассицизме или неоконсерватизме не может быть и речи. Цель постмодернистской критики — деконструировать (разобрать — разложить) парадигмы современной философии права. Напомню, что ключевой смысл понятия «деконструкция» дает один из лидеров постмодернистской философии Дж. Деррида². Отказ от «канонов» означает отказ от продолжения «основной дискуссии» об онтологической сущности права и методах его исследования. Все или почти все разрешено, если это служит какой-либо теоретической или практической цели. Это, очевидно, означает принятие плюралистического подхода к пониманию и практике философии и теории права. Все разумно обоснованные взгляды имеют равную легитимность. Понятая таким образом открытость неизбежно приведет к гносеологическому и аксиологическому релятивизму.

Вопрос о перспективах развития философии и теории права является рискованным по многим причинам. Мы живем в эпоху усиливающейся турбулентности и не знаем, в каком направлении будет развиваться цивилизация. В результате мы не можем убедительно продемонстрировать, какие философия и теория права нам потребуются. Философия права до сих пор так и не конкретизиро-

¹ Денисенко В. В. Сущность права в философии метамодерна // История государства и права. 2022. № 1. С. 25—30.

² Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. Москва, 2000. С. 410.

валась ни как полноценная философская наука, ни как строго юридическая наука. Я сознательно избегаю ответа на вопрос о будущем философии и теории права. Не будем забывать, в конце концов, что подавляющее большинство ученых, представляющих другие социальные науки, находятся в похожей ситуации¹, что, по крайней мере, в какой-то степени подтверждается актуальными постмодернистскими дебатами.

Собко Руслан Васильевич (иеромонах Лаврентий),
кандидат философских наук, заведующий кафедрой
библеистики, богословия и философии, доцент Ниже-
городской духовной семинарии

Закон и законность в контексте развития российского общества и формирования национальной идеи

Выступления в рамках круглого стола были посвящены двум аспектам — правовой идеологии и юридическому образованию в эпоху перемен. Именно вызовы современности заставляют наших сограждан обратиться к основам правового сознания и задаваться такими вопросами, что такое Россия, что значит быть русским и почему, и насколько надо соблюдать те или иные законы. Может ли законность стать частью именно русской национальной идеи или же это прерогатива исключительно, например, немецкого менталитета?²

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к понятиям правового сознания и национальной идентичности. Самая малая часть идентичности есть самоидентичность, осознание себя и того, что происходит вокруг и выстраивание отношения в соответствии с собственными взглядами с теми, кто не я.

Идентичность более высокая — семейная идентичность и следующая за ней племенная или родоплеменная. Здесь уже индивидууму приходится сталкиваться с понятиями морали и нравственности. Мораль, как известно, происходит от латинского *mos, moris* — обычай, а нравственность — от слова нравиться, то есть считаться общественно одобряемым. Таким образом, мы уже на этом этапе в каком-то смысле имеем дело с общественным одобрением, общественной репутацией и прецедентным правом.

На этом этапе объединяющим началом, общей идеей служит кровная родственная связь и общность происхождения. Показательно, что в таких условиях родоплеменной закон действует исключительно в рамках своей группы и не до конца применим к чужакам. Так, в воспеваемой многими славянофилами и народниками русской общине чужака вполне могли убить или обратить в рабство. Сжечь дом или нанести увечья могут иногда и сейчас в российской деревне, если некто, как покажется жителям, противопоставляет себя обществу.

Родоплеменной строй связан еще и с таким понятием, как патернализм, что выражается в терминах родства дед, отец и других. Казалось бы, если хватает сил на применение насилия к чужакам одиночкам или к своим инакомыслящим, то ведь возможно всем вместе отстоять права и общины в целом перед другими родовыми общинами. Однако для подобного действия уже нужен вождь, который и санкционирует внешнее насилие, и задает общую линию поведения.

Патернализм в виде включенной идентичности входит и в исторически более поздние формы общественного развития. Так, например, царь — батюшка, Ленин — дедушка. Имя вождя гуннов Атиллы расшифровывается как «папочка», «отченька», криминального авторитета часто называют пахан, а римского императора *pater patriae*.

Как мы указывали в одной из наших статей, архетипическая этика родоплеменного строя, возможно, — одна из причин коррупции, как в виде так называемого кумовства, так и по той причине, что коррупционная организация воспринимается ее участниками как семья или род,

¹ См.: Вороховов А. В. Особенности западной религиозности постмодерна // Труды Нижегородской духовной семинарии. Нижний Новгород, 2012. 10 (10). С. 25—35; Вороховов А. В. Личность с точки зрения персоналистического актуализма // Труды Нижегородской Духовной семинарии. Нижний Новгород: Ридо, 2020. Вып. 18. С. 349—359.

² См.: Sobornost as the basis of Russian identity: history and current state / O. V. Parilov [and others] // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Nizhny Novgorod, 10—12 March 2020. Nizhny Novgorod: European Publ., 2021. Pp. 754—760.